

Ю.А. Прозорова

ТЕОРИЯ ИНТЕРАКТИВНЫХ РИТУАЛОВ Р. КОЛЛИНЗА: ОТ МИКРОИНТЕРАКЦИИ К МАКРОСТРУКТУРЕ

*Статья отражает ключевые положения теории интерактивных ритуалов Р. Коллинза и основные этапы становления теории в контексте поляризации социологических парадигм и формирования нового интегративного подхода. Концепция Р. Коллинза содержит оригинальный подход к решению ключевых научных вопросов: онтологической проблемы сосуществования и сопряженности феноменов микро- и макроуровней социальной реальности, генезиса макроструктур и гносеологической проблемы их анализа. Новая интерпретация интерактивного ритуала рассматривается как синтез концепций ритуала Э. Дюркгейма и И. Гоффмана. В работе представлены *modus operandi* интерактивного ритуала на микроуровне, а также логика отношений микро-ритуалов с феноменами макро-порядка.*

Теория интерактивных ритуалов, разработанная одним из крупнейших американских социологов Р. Коллинзом, отражает своим становлением современное ей состояние социологической науки — переход от фазы конфронтации к фазе теоретико-методологического компромисса, представляя собой теоретический вариант конвергенции макро- и микроподходов. Развиваясь как радикальная микротеория, «кульминация микроэмфазы» конца 1970-х гг., она, реализовав свой потенциал синтеза, эволюционировала в метатеорию. Оригинальность теории не исчерпывается демонстрацией ставшего уже достоянием истории науки факта не просто смены парадигм, а их взаимопроникновения. Ее значение заключается в предложенных Коллинзом решениях ряда ключевых научных вопросов: онтологической проблемы сосуществования и сопряженности феноменов микро- и макроуровней социальной реальности, генезиса макроструктур и гносеологической проблемы анализа макроструктур посредством методологической стратегии микротрансляции. Новая трактовка концепта «интерактивный ритуал» как универсальной модели взаимодействия обладает особым эвристическим значением, предлагая исследовательский инструментарий анализа форм взаимодействий и через них — развития и формирования макроструктур. Кроме того, «интерактив-

ный ритуал», учитывая его ключевую роль в процессе группообразования, может рассматриваться как коммуникативная технология целенаправленно-го стимулирования данных процессов.

В отечественной научной литературе наблюдается крайне фрагментированное изложение теории Р. Коллинза. Опубликованные работы не дают целостного единого понимания ключевых положений теории и ее места в социологической науке. Интенцией данной работы является преодоление этой ситуации.

Теоретико-методологическое позиционирование

Во второй половине минувшего столетия социологическая наука, переживающая резкую поляризацию научных парадигм, столкнулась с ситуацией, когда оформившиеся социологические подходы стали подвергаться критике в теоретико-методологическом радикализме. Как показывает Г. Ритцер (Ritzer 1991), в развитии социологии можно выделить последовательную смену парадигмальных фаз — гегемония макротеорий сменилась в 1970-х гг. доминированием микротеоретического подхода. Однако, по образному выражению К. Кнорр-Цетины, сосуществование микро- и макротеорий напоминало «недружелюбных соседей, в большинстве своем игнорирующих друг друга, но порой обменивающихся колкостями» (Knorr-Cetina 1981: 25). Взаимная критика стимулировала поиск альтернативных интегративных теорий, призванных преодолеть противоречия холистических и индивидуалистических парадигм, объединяющих оппозиционные макро- и микро подходы, субъективизм и объективизм и определяющих компромиссные варианты синтеза структуры и действия. Метатеории начали активно развиваться в ранее оппозиционных парадигмальных кланах микро- и макроподходов.

Теория Коллинза развивалась как намеренный противовес макро- и микротеориям, в лице структурного функционализма, с одной стороны, и символического интеракционизма, феноменологии и этнометодологии, с другой. Коллинз (Collins 1981a) отмечает основные конфронтационные положения сторонников макро- или микроподходов, противоречия которых, по его мнению, либо несостоятельны, либо преодолеваются его теорией и стратегией «микротрансляции».

Формированию концепции интерактивных ритуалов, с точки зрения Ритцера (Ritzer 1985), способствовало общее состояние социологии, в котором наблюдалось не только критическое противопоставление подходов, но и ослабление макросоциологии, которая постепенно утратила свои лидирующие позиции. В этом контексте развитие «радикальной микросоциологии» было достаточно амбициозным, но «политически» оправданным проектом, учитывающим актуальные диспозиции социологических теорий. Это была «микросоциологическая реакция», заявка на доминирующее положение микротеории, и именно «радикальность», претенциозность теории Коллинза во многом привлекла к себе пристальное внимание и критические замечания. Однако несмотря на такой, казалось бы, исключительный парадигмальную конвергенцию посыл, теория все-таки была сформулирована как ориентированная на взаимосвязь микро- и макро.

Теория интерактивных ритуалов как пример «радикальной микросоциологии» изначально была сформирована именно в рамках микроподхода (Ritzer 1991). Она заимствует у микросоциологии в ее более умеренном ва-

рианте многое из ее теоретического аппарата — понятие взаимодействия, социальной ситуации, интеракционизма, а не индивидуализма, методологического ситуационализма в противовес оппозиционным индивидуализму и холизму и т.д. Однако, с точки зрения Ритцера (Ritzer 1985), она находится вне парадигмы социальных дефиниций, социального поведения и, безусловно, за пределами парадигмы социальных фактов, претендуя на новое парадигмальное положение — интегральное.

Определив свой вариант теоретико-методологического компромисса как «радикальную микросоциологию», Коллинз не ограничивает свою теорию и уровень анализа микросоциальными взаимодействиями, а наоборот, стремится преодолеть аналитическую ограниченность, свойственную микротеориям. Заимствуя у микросоциологической традиции ключевое для нее понятие социальной ситуации, придав ей статус фундаментальной социальной единицы, он выводит свой анализ за рамки единичной социальной ситуации, но акцентирует её первичность, представляя как креативное начало, точку роста социальной жизни. Основной постулируемый Коллинзом интегративный принцип — формирование макроструктур из микроситуаций интеракций, т.е. «микрооснования макросоциологии» и «микрометоды как основания макросоциологии». Одним словом, главная социологическая заповедь Коллинза — «вначале была ситуация / интеракция / ритуал».

Теория интерактивных ритуалов Коллинза, теория «связи микро и макро» является «метатеорией» (Ritzer 1991; Ритцер 2002) не только потому, что занимает некое срединное положение в континууме социологических теоретико-методологических подходов (хоть и с очевидным тяготением в сторону микросоциологии) и играет медиативную роль, но и потому, что во многом ее теоретические основания — это симбиоз двух, часто воспринимаемых как полярные, подходов — функционализма Э. Дюркгейма и микросоциологии И. Гофмана, совмещение двух уровней социального анализа — макроуровня социальной солидарности и микроуровня повседневных межличностных интеракций. Коллинз является верным продолжателем традиций Дюркгейма, коим являлся и Гофман, отчасти именно поэтому ему удалось столь виртуозно синтезировать эти концепции. Заимствуя их терминологию, но придав ей иное значение и понимание, он в целом по-новому интерпретировал их основные положения, создав свою теорию, в которой отразилось современное ему внутреннее состояние науки и вопросы, которые стояли перед ней.

Развитие теории интерактивных ритуалов как теории «связи микро и макро»

Определив теорию Коллинза как интегративную, необходимо определить основные компоненты теоретического синтеза — теорию коллективных ритуалов Дюркгейма и концепцию ритуализации повседневных микроинтеракций Гофмана. Будучи основанной на этих концепциях, теория интерактивных ритуалов удовлетворяет основное условие интегративных теорий второй половины XX в. — разрешение противоречий между макро- и микро теориями социологической науки, формирование альтернативного подхода, утверждающего дуальность, а не дуализм микро- и макроуровней, их взаимодействие и взаимозависимость. Ритцер выделяет два генеральных направления современных интегральных теорий — объединение микро- и

макротеорий или взаимосвязь микро- и макроуровней (Ритцер 2002: 419). В этой связи теория интерактивных ритуалов является скорее концепцией интеграции макро- и микроуровней социального анализа, а не интеграцией макро- и микротеорий, хотя прослеживается и эта линия синтеза. Теория Коллинза ориентирована на утверждение фундаментальной онтологической взаимосвязи и взаимозависимости микро- и макроуровней, сущностного имманентного единства феноменов микро и макропорядка. Для Коллинза синтез возможен не посредством демонстрации точек соприкосновения уровней микро и макро, а через утверждение их единой интерактивной природы. В доказательство последнего Коллинз выдвигает, казалось бы, очевидный и тривиальный тезис о том, что макрофеномены суть совокупности явлений микроуровня — интерактивных ритуалов, и предлагает методологическую стратегию — «трансляцию» макрофеноменов в последовательную цепочку интерактивных ритуалов. Последние — это микроуровневые атомы социальной действительности, они же — основные созидательные единицы социальной структуры.

В развитии теории интерактивных ритуалов как интегративной можно выделить два этапа, на которые также указывает Ритцер (Ритцер 2002). В своей ранней работе-манифесте «О микрооснованиях макросоциологии» (Collins 1981b) Коллинз формулирует подход, названный Кнорр-Цетиной «агрегационной гипотезой» (Knoorr-Cetina 1981), в котором он предлагает рассматривать макроструктуры как цепочку интерактивных ритуалов или, в терминологии Кнорр-Цетины, «эпизодов ситуативной интеракции», их устойчивые и повторяющиеся «агрегации», утверждая тем самым примат феноменов микроуровня — ситуаций интеракции. Социальная реальность вершится на микроуровне взаимодействий, все основные социальные макроединицы — структуры, институты, организации и т.д. суть специфическая терминология и абстракции, если они не даны человеку непосредственно в опыте. Их модус существования — не за линией демаркации, отделяющей микрореальность от макро, а здесь-и-сейчас в социальных взаимодействиях и ситуациях индивидуального опыта. В этом проявляется верность Коллинза принципу методологического ситуационализма, который именно ситуацию взаимодействия определяет основной наблюдаемой реальностью и главной единицей социального анализа. «Не существует таких вещей, как “государство”, “экономика”, “культура” или “социальный класс”, есть только совокупности действий отдельных людей в определенном роде микроситуациях» (Collins 1981b: 988). Стабильность существующих социальных структур зависит от того, насколько индивиды поддерживают их своим опытом и в своем опыте, изменения структуры происходят как следствие изменения «микроповедения» индивидов.

Социальная структура — это многократно воспроизводящееся поведение индивидов в определенных местах, использующих определенные физические объекты и, что наиболее актуально для Коллинза, взаимодействующих посредством повторяющихся символических выражений с определенными людьми. Социальный мир — это физический мир, в котором происходит взаимодействие, это физический мир людей и объектов, мир, в котором меняются ситуации, сцены, декорации и люди, с которыми мы в них встречаемся. В конце концов, Коллинз выводит, что «микрореальность любой социальной структуры представляет собой определенную модель повторяющихся форм

общения между людьми в отношении определенных физических объектов и мест» (Collins 1981b: 996). Любая теория, с точки зрения Коллинза, должна быть направлена на исследование микроуровня, поскольку именно там находятся все источники создания, воспроизводства и поддержания макроструктуры. Как считает Ритцер (Ритцер 2002: 429), подобная позиция Коллинза, демонстрирующего доминанту микроуровневых взаимодействий, ориентирована скорее на построение теории, акцентирующей значение микроуровня, но не на интеграцию микро- и макропластов социальной реальности.

Подобный подход, в котором постулируется, что «социальные структуры зависят и уязвимы от того, что происходит во взаимодействиях лицом-к-лицу <...> что макросоциологические черты общества, как и само общество, сводятся к периодически возникающей композиции явлений, могущих быть прослеженными в реальности личных контактов», подвергся критике Гофмана в его президентском обращении. Данные положения он определил как «чуждые духу своих рассуждений» (Goffman, 1983: 8). Ритцер (Ritzer 1985) отмечает, что не только Гофман, но и другие социологи, К. Кнопп-Цетина и А. Сикурел, к взглядам которых апеллировал Коллинз в подтверждение положений своей теории, занимали более взвешенную позицию в вопросе отношений микро- и макроуровней социальной реальности. Так, Кнопп-Цетина заметила, что в описании самого взаимодействия невозможно избежать внешнего институционального контекста, который может быть несводим к терминам интеракции, и микросоциология была всегда сдержанна в попытках редуцировать и перевести все концепты и объяснения в термины взаимодействия (Knopp-Cetina 1981: 12-13). «Радикальная микросоциология» Коллинза оказалась более радикальной.

Однако в более поздней работе Коллинз делает существенную поправку, уточнение в своей концепции, намечая направление интеграции. Он утверждает, что «микротрансляция макроструктуры» также имеет применение в противоположном направлении, возможно, более непосредственное: она демонстрирует, как микрособытия, ситуационное поведение индивидов обусловлены их местоположением в более широкой сети микроинтеракций, расположенных в пространстве и времени» (Collins 1987b: 196). «Микро-макро трансляция демонстрирует, что все макро состоит из микро. Наоборот, все микро суть часть совокупностей макро, оно существует в макроконтексте, который состоит именно из разветвлений микро, микроситуационных событий, происходящих в пространстве и времени... “Класс”, “организация”, “гендер” и др. — грубые эвристические концепты, ни один из которых не оказывает влияние напрямую, но только в той степени, в какой они представляют собой интеракционные сети, формирующие сознания, эмоции и мотивации в каждый момент» (Collins 1988b: 244). Макросоциология, заключает он, может рассматриваться как «ключ к пониманию» процессов, происходящих на микроуровне. Данной теоретической поправкой Коллинз определил, по мнению Ритцера (Ритцер 2002), диалектическое взаимодействие микро- и макроуровней анализа, характерных для теорий интеграции. Безусловно, хоть поправка Коллинза и сняла ряд критических замечаний в адрес его концепции, все же она доделана в свойственной ему манере — он остался верен своему принципу доминанты интеракций, но теперь уже их совокупность, сеть, обуславливает индивидуальные взаимодействия, встроенные в структуру — пересечения цепочек интерактивных ритуалов в пространственно-

временном континууме. Отличительная черта теории Коллинза — отсутствие некоего влияющего на взаимодействие контекста, принудительного макрофактора, общей макроматрицы, имеющей не интерактивную природу.

Будучи ключевым понятием и исходным элементом теории, интерактивные ритуалы функционируют как на микроуровне, где Коллинз выделяет их структуру, основные элементы, условия и механизм их реализации, так и на макроуровне — цепочки интерактивных ритуалов — как элементы, обуславливающие и поддерживающие макроструктуры.

Микроуровень интерактивных ритуалов

Как уже было отмечено выше, микроситуация взаимодействия является отправной точкой теории Коллинза. Этот принцип был заимствован им у Гофмана, который в предисловии к своему сборнику «Интерактивные ритуалы» писал, что «существуют не люди и их моменты, а моменты и их люди» (Goffman 1967: 3). Коллинз перефразировал эту сентенцию в «не индивиды и их интеракции, а интеракции и их индивиды» (Collins 2004: 5). Идея, что ситуация обладает своими внутренними законами, заставляющими индивидов подчиняться им, и особой структурой, в которую индивиды вписываются, также была целенаправленно изучена Гофманом. Именно он акцентировал важность ситуации для социального анализа (Goffman 1966). Однако если для Гофмана (Goffman 1967; Гофман 2000) индивид представлялся лишь зависимым от ситуации, но одновременно и играющим в ней активную роль — управляя впечатлениями, презентуя себя, определяя баланс сил и равновесие интеракции совместно с другими участниками, то позиция Коллинза более радикальна. Для него индивид — это продукт ситуации, предшествующих интерактивных ритуалов, поскольку в каждую новую интеракцию он привносит совокупность характеристик, ресурсов, приобретенных в предыдущих взаимодействиях. Для Коллинза значение имеет не только актуальная ситуация интеракции, но и совокупность предшествующих, сквозь которых прошел индивид, обретая уникальный опыт, составляющий его индивидуальность, личностную и социальную, и обуславливающий его последующую траекторию взаимодействий. В этом же одно из ключевых отличий концепции Коллинза от его предшественников, Дюркгейма и Гофмана. Для Дюркгейма ритуал, как религиозное действие, представлялся дискретной практикой, происходящей в определенное, сакральное время, чье воспроизводство обусловлено традицией. Анализ Гофмана был организован вокруг интеракции, ее внутренней структуры и ритуальной организации, но не выходил за пределы отдельной ситуации, выстраивая цепь интеракции и демонстрируя их преемственность. В теориях этих социологов отсутствует понятие, описывающее преемственность интерактивного опыта в аспекте формирования индивидуальной структуры взаимодействий, «мезоструктуры», в которую включен каждый новый интерактивный ритуал. Это объясняется тем, что социальный, структурный уровень в социологии Дюркгейма — это уровень макро, относящийся к социальной реальности *sui generis*, безусловно, не сводимый к индивидуальному микроуровню, но доминирующий над ним, именно он — источник социальной организации. Социальные структуры эмерджентны, они не разлагаются на совокупность интеракций и не создаются ими. Позиция Гофмана более умеренна, интеракция хоть и обладает своими законами, но она вписана в более широкую структурную

реальность, первичную для неё. «Лично я полагаю общество первичным во всех отношениях, а любое участие в нем индивидов — вторичным...» (Гофман 2004: 74)

Коллинз же, напротив, вывел индивида за рамки одиночной интеракции, показав, как он передвигается из одной ситуации в другую, как интеракции формируют его мотивацию, интерактивные ресурсы и, тем самым, социальную привлекательность, как формируется «индивидуальная макроструктура». Коллинзу необходимо было понятие «цепочек интерактивных ритуалов», позволяющее определить континуальность индивидуального опыта интеракций и являющееся связующим звеном между микро- и макроуровнями социальной действительности, отражающее переход явлений микроуровня в феномены макропорядка.

Какие же интеракции, по Коллинзу, охватываются понятием «интерактивный ритуал»? И здесь Коллинз объединяет взгляды Дюркгейма и Гофмана, если для первого ритуал — это формальная церемония, явление коллективного, группового порядка, то для Гофмана интерактивный ритуал — все повседневные интеракции, но в первую очередь те, в которых имеет место конверсация между участниками. В терминологии Коллинза это, соответственно, ритуалы намеренные, «интенциональные» и «естественные» (Collins 1988a: 198). Коллинз отмечает, что заимствует сам термин у Гофмана, но относит его к основному процессу, который имеет место в ситуации взаимодействия, встречи, и который, в свою очередь, определен рядом меняющихся условий, обуславливающих специфический результат (Collins 1983: 190). Фактически для Коллинза ритуалом является любое взаимодействие, отвечающее следующим характеристикам, которые и составляют внутреннее строение интерактивного ритуала и необходимые условия его реализации: физическое присутствие двух или более индивидов; представление участников о границах взаимодействия, отделяющих участвующих от не-участвующих; общий фокус внимания и взаимная ориентация на фокус внимания другого /других; общий, разделяемый всеми участниками, эмоциональный фон, настроение, опыт (Collins 1988b: 44; 2004: 48). Таким образом, интерактивным ритуалом может являться как формальный ритуал Дюркгейма, имеющий определенную цель и последовательность стереотипизированных действий, так и повседневные интеракции Гофмана, т.е. любое взаимодействие, разной степени организованности.

Коллинз схематизирует трактовку ритуала Дюркгейма, определяя его как «модель ситуационной каузальности», которая «дает нам возможность понять, какие именно социальные компоненты сходятся в ситуацию и определяют, будет ли ритуал иметь успех или потерпит неудачу». Коллинз не дает четкого определения ритуала, упоминая, что в его концепции оно близко Дюркгейму и Гофману, т.е. как «сформированному взаимно сфокусированными эмоциями и вниманием механизму, который ежеминутно производит разделяемую участниками взаимодействия реальность и который, тем самым, порождает солидарность и символы членства в группе» (Коллинз 2004: 31–32).

Однако результат интеракции вариабелен и напрямую зависит от актуализирующихся в ходе взаимодействия структурных элементов. В качестве основных результирующих интерактивного ритуала Коллинз называет: групповую солидарность, чувство групповой принадлежности; эмоциональ-

ную энергию индивидов; символ, репрезентирующий группу, который становится для индивидов сакральным объектом; чувство моральности (Collins 1988a: 193, 357; 2004: 49).

Понятие солидарности — центральное в теории интерактивных ритуалов. Следуя дюркгеймианской традиции, Коллинз признает солидарность фундаментальным социальным элементом, объединяющим общество. Но источник солидарности — не отдельные виды взаимодействия, не институт разделения труда, обуславливающий взаимозависимость индивидов, а интерактивные ритуалы, продуцирующие солидарность как фактор формирования и сплочения общностей, но одновременно и как фактор их разделения и дистанцирования друг от друга. Формирующаяся посредством взаимодействия, через интерактивные ритуалы, солидарность суть микроуровневый феномен, имеющий макроследствия. Коллинз, отвечая на традиционный вопрос классической социологии, что же объединяет общество или «что сплачивает общество как паттерн стратифицированных и конфликтующих групп», утверждает, что это солидарность, которая создается на микроуровне, «социальные ритуалы, создающие и поддерживающие солидарность внутри этих групп» (Коллинз 2004: 34).

Коллинз трансформирует понятие сакрального объекта, отныне им является не религиозный символ, не индивидуальное Я, а все, что фокусирует внимание участников интеракции и репрезентирует в их сознании состоявшийся интерактивный ритуал. Сакральным объектом может быть индивид, физический объект, предмет разговора, событие, идея и т.д., перечень сакральных объектов определен разнообразием содержаний интеракций. Интерпретация сакрального объекта Коллинза ближе пониманию Дюркгейма (Durkheim 1976), для которого сакральный объект был центральным элементом ритуального взаимодействия, служащим репрезентацией божества, но фактически являющимся метафорой, символом социальной общности. Сакральный объект, по Дюркгейму, может быть чем угодно, поскольку качество сакральности — приписываемое. Но для Дюркгейма сакральный объект — это не только организующий вокруг себя участников ритуала объект, но объект, вызывающий в индивидах определенное положительное эмоциональное отношение. По сути же, сакральный объект в теории Коллинза сакрален лишь условно, если иметь в виду его качественную приписываемую характеристику. Он может вызывать уважение, благоговение, к нему можно относиться с особыми чувствами, симпатией, но можно и испытывать прямо противоположные чувства, т.е. он может быть «негативно сакрален». Сакральный объект, отражающий конкретную интеракцию, трансформируется в коллективный символ взаимодействующей группы. Символы оформившейся группы, как и религиозные символы у Дюркгейма, должны периодически «перезаряжаться» в ритуалах, продуцирующих солидарность, иначе постепенно они утрачивают свою актуальность.

Ритуальные компоненты, отмеченные выше, взаимодействуют между собой, составляя главный механизм интерактивного ритуала. Как отмечает Коллинз, совместная сосредоточенность на объекте или действия усиливает общее настроение и психически-эмоциональное состояние участников ритуала, и наоборот. Находящиеся вместе индивиды, обладая общим фокусом внимания и единым эмоционального настроения, оказываются в ситуации интенсификации эмоции, «эмоциональной вовлеченности». Это также свя-

зано с явлением координации, синхронизации и ритмичности взаимодействия, усиливающей коллективное эмоциональное состояние. Кроме когнитивного единства, обоюдного понимания и взаимного предупреждения действий, в ходе разговорной интеракции реализуется микросинхронизация, встроенная в ткань самого разговора и не осознаваемая самими участниками. В подтверждение своих положений Коллинз приводит данные некоторых этнометодологических исследований организации разговора. Как продемонстрировали исследования Сакса, Щеглова и Джефферсон, разговор обладает определенной структурой и собственными внутренними фундаментальными правилами, как, например, очередность высказываний участников (1974). В нормальном разговоре временной промежуток между последовательными высказываниями участников составляет доли секунды (менее 0,1 сек.) (Collins, Hanneman 1998: 216). Есть и другие свидетельства нерелективной «ритмической синхронизации» разговора, например, исследование Грегори «акустической конвергенции» как интегрального показателя ритмической синхронизации. Упомянутые им другие исследования демонстрируют, что в процессе нормальной конверсации участники подстраиваются друг под друга через «невербальные ритуальные единицы», настраивают свой речевой поток, определяя «оптимальный формат» речи, стремятся установить ритмическую синхронизацию и т.д. (Gregory 1994). Участники интерактивного ритуала постепенно устанавливают единое эмоционально-когнитивное пространство, будучи охваченными этой неосознаваемой ритмической синхронизацией, продвигая солидарность, поскольку она «конструируется и интенсифицируется в ходе ритуала посредством ритмической синхронизации» (Collins 2004: 78).

В теории интерактивных ритуалов можно условно выделить два аналитических пласта. Во-первых, интерактивный уровень, где Коллинз показывает внутренний процесс интерактивного ритуала, т.е. ритуал *in motion*, а во-вторых, результирующую ритуала, становящуюся частью интерактивного ресурса индивида. Индивид для Коллинза — это слагаемое цепочек интерактивных ритуалов, но слагаемое трансформирующееся, поскольку его ресурсы «на входе» интеракции и «на выходе» могут существенно различаться. Основные социально-интерактивные ресурсы — эмоциональная энергия, культурный капитал и репутация.

Важным для теории интерактивных ритуалов является введенное Коллинзом понятие «эмоциональная энергия». Дюркгейм и Гоффман также отмечали роль эмоционального фактора во взаимодействии, но в отличие от них Коллинз придает ей статус самостоятельной аналитической единицы. Для социологической науки, кроме таких ее узкоспециализированных направлений, как, например, социология эмоций, свойственно оставлять за эмоциональным опытом роль сопутствующего, вспомогательного фактора, но не акцентировать его в качестве ключевого. Социология, испытав на себе сильнейшее влияние позитивизма, до сих пор переживает эмоциональную резистентность. В теории интерактивных ритуалов, напротив, эмоциональный фактор — доминантный участник, катализатор реализации интерактивного процесса.

Любой ритуал «на входе» имеет некоторую специфическую комбинацию эмоций, которые в процессе интеракции трансформируются в единое целое (дюркгеймовское «коллективное возбуждение»), «на выходе» формируя моральную солидарность (Collins 2004:105). Под эмоциональной энергией Коллинз подразумевает такие персистирующие ярко выраженные эмоции, как

счастье, страх, злость, грусть или разочарование и их производные и оттенки, через которые они проявляют себя. Эмоциональная энергия, продуцируемая посредством вовлеченности в интеракцию и ритмической синхронизации, различается по интенсивности и временной продолжительности. Это не переживаемый эмоциональный опыт единичной интеракции только здесь-и-сейчас, а сохраняемое мобильное эмоциональное качество и состояние индивида, актуальное для последующих взаимодействий. Уровень эмоциональной энергии стимулирует интерактивную активность индивида, чем она выше, тем более мотивирован индивид к последующим интеракциям и тем более активную роль он в них играет. Коллинз пишет, что высокая эмоциональная энергия — это «личностный уровень сильной ритуальной солидарности Дюркгейма» (Collins 2004: 108). Но солидарность — это явление коллективной природы, а эмоциональная энергия — индивидуальный ресурс.

Эмоциональная энергия становится «общим знаменателем рационального действия», решающим фактором выбора ритуала при существующей альтернативе. «Человеческое поведение можно охарактеризовать как эмоционально-энергетический тропизм» (Collins 1993: 223). Коллинз демонстрирует, что экономическое поведение индивидов обусловлено эмоциональным фактором.

Для Коллинза процесс мышления тоже во многом определен интерактивными ритуалами, в которых принимал участие индивид, а именно их эмоционально «заряженными» символами и культурным капиталом (Collins, 1987a).

Термин «культурный капитал» Коллинз заимствует у Бурдьё, но использует его в более упрощенном виде, обозначая им совокупность общих тем разговора и стилей, определяющих общую групповую принадлежность индивидов. В одной из своих ранних работ (Collins 1981b) он использует более общее понятие «разговорные или культурные ресурсы», производящие «общую когнитивную реальность». Эта переменная ритуала, которая определяет содержание и характер интеракции. Через специфику актуализированных в разговоре тем, общих или частных, демонстрируется, соответственно, членство в определенных группах — в статусных группах, «горизонтально организованном культурном сообществе» или в локальных группах, в которых превалируют межличностные отношения. Через культурный капитал и темы разговоров воспроизводится двухмерная статусно-властная система социальной стратификации. Позже в совместной работе Коллинз и Ханнеман переименовывают культурный капитал в «групповой культурный капитал», чтобы «подчеркнуть, что чувства групповой принадлежности напрямую отражаются в отношениях к вербальным (визуальным, жестовым и др.) символам» (Collins, Hannemman, 1998: 219).

Репутация присутствует в разговорах в форме того, что индивиды знают или думают о конкретном человеке — это «часть индивидуального Я, над которым индивид не имеет контроля» (Collins 1988a: 361). В некоторых своих работах Коллинз (1981b; 1988a) упоминает репутацию не как отдельный ресурс, а как составляющую частных тем разговоров. Она циркулирует по цепочкам интерактивных ритуалов, формируя позитивный или негативный ресурс. Репутация пересекается с понятием «символический капитал» П. Бурдьё и может рассматриваться как его составная часть.

Индивиды вступают в интеракцию, следуя логике сочетания своих ресурсов. Коллинз вводит понятие «рынок интерактивных ритуалов» как специфического интерактивного пространства, в котором происходят процессы

оценки, обмена, инвестирования, конвертации интерактивных ресурсов и определение перспектив данного взаимодействия. Наличная совокупность ресурсов индивида и их специфика создают «рыночные возможности», т.е. привлекательность индивида как участника интеракции для других, его доступ в определенные интерактивные ситуации, «рыночную позицию» индивида и позицию в самом интерактивном ритуале.

Подобно тому, как для Бурдьё (2005) обладание определенными капиталами определяет позицию индивида в определенном поле, его доступ и перспективы в других полях, совокупность ресурсов взаимодействия формирует по аналогии «интерактивный капитал» индивида, обуславливающий его позицию на рынке интерактивных ритуалов (интерактивное, ритуальное поле) и доступ в его различные подразделения — ритуалы. Очевидно, что рынок интерактивных ритуалов вписан в общий исторический, культурный контекст, обуславливающий уровень интерактивных возможностей и диктующий, какие капиталы должны доминировать, определяя вхождение в различные поля. Современное общество достаточно либерально и открыто, оно дает больше возможностей интеракции, снимая и смягчая многие ограничения — гендерные, экономические, религиозные, культурные, этнические и т.д., поэтому «интерактивный капитал» более конвертируем сейчас, чем предыдущие исторические периоды.

Вносимые в интеракцию ресурсы «на выходе» приобретают новые характеристики. Обновленные ресурсы будут определять позицию и возможности индивида в следующем взаимодействии, формируя, таким образом, цепочки ритуалов. Интерактивные цепи распределяют и перераспределяют микроресурсы интеракции среди различных социальных агрегаций. «Распределение эмоциональной энергии, культурного капитала и репутации составляет стратифицированную структуру общества» (Collins 1983: 191).

Внутренний механизм интерактивного ритуала

Учитывая вышеизложенное, можно утверждать, что интерактивный ритуал в интерпретации Коллинза — это унитарная модель взаимодействия, описывающая как коверсации лицом-к-лицу, так и интеракции групп различной степени организованности и размера. Как только соответствующие требования и условия соблюдены, «запускается» естественный интерактивный механизм. Реализация механизма обусловлена наличием или отсутствием определенных ресурсов, привнесенных в ритуал участниками, а также внешними условиями среды. Ресурсы интеракции — это переменные, чья комбинация ситуационно вариабельна. По сути, механизм интерактивного ритуала — это взаимосвязь и взаимовлияние интерактивных переменных и специфические закономерности их синтеза.

В совместной работе «Modelling the Interaction Ritual Theory of Solidarity» Коллинз и Ханнеман (1998) проводят более детальный анализ механизма, разворачивающегося в рамках интерактивного ритуала, и его внутренних процессов, разрабатывая систему характеристик и формализуя их проявления и взаимосвязь. На уровне интеракции лицом-к-лицу или группового взаимодействия реализуется следующий набор внутренних переменных: общий фокус внимания, общее эмоциональное состояние, эмоциональная энергия, культурный капитал (сходство культурного капитала и количество культурного капитала), степень ритмической синхронизации, временной

фактор, уровень насыщения. Дополнительно выделяются два внешних фактора — ситуации и событие. Авторы выделяют ряд закономерностей развития интеракции исходя из ситуационной комбинации интеракционных переменных, которые позволяют прогнозировать ход взаимодействия при знании наличных переменных.

Перечисленные выше переменные интеракции составляют «агрегатные характеристики взаимодействия в общих недифференцированных группах», т.е. данная совокупность переменных-характеристик интеракции общая и определена без учета родовых особенностей групп — диады, триады, толпа и т.д. (Collins, Hanneman 1998: 221). Разработанные переменные интеракции и общий механизм ее реализации являются аналитическим инструментарием, применимым для изучения тех форм взаимодействия, которые отвечают ключевым требованиям интерактивного ритуала. Достоинство нового аппарата в том, что он представляет собой совокупность относительно формализованных универсальных характеристик, посредством которых могут анализироваться взаимодействия в формате соприсутствия участников и условия, их инициирующие.

Таким образом, интерактивный ритуал в интерпретации Коллинза является общей моделью взаимодействия, включающей формальные условия реализации, внутреннюю конституцию и единый механизм, а также прогнозируемые результаты как следствие закономерностей сочетания переменных ритуала. Исходя из этого, интерактивный ритуал может рассматриваться как коммуникативная технология, т.е. как специфическая форма организации взаимодействия индивидов, имеющая устойчивый механизм и прогнозируемые последствия. Интерактивный ритуал — это технология организации взаимодействия, через которую производятся солидарность, групповые символы, культурный капитал, эмоциональная энергия, а, следовательно, технология формирования групповых образований через организацию и реализацию ритуала.

Коллинз не разрабатывает эксплицитно темы намеренного использования интерактивного ритуала как продуцента солидарности и групповых символов, он лишь косвенно затрагивает ее. Точнее, в его теории группы естественно *формируются* через интерактивные ритуалы, но их не *формируют*. Так, в статье «The Durkheimian Tradition in Conflict Sociology» Коллинз, описывая предложенную Ф. де Куланжем модель политики, утверждает, что в политике «ритуал является механизмом, посредством которого формируются и мобилизуются солидаризированные группы, следовательно, ритуал создает политических акторов; ритуал — это оружие, используемое некоторыми группами, чтобы доминировать над другими, манипулируя эмоциональной солидарностью и чертами групповой идентификации ради преимущества одних и в ущерб другим» (Collins 1988г: 117). Учитывая всеобщность модели интерактивного ритуала, он может рассматриваться как механизм, посредством которого создаются группы вне зависимости от специфики поля, в котором это происходит. Нельзя отрицать конструирующей потенции интерактивного ритуала и возможность целенаправленного формирования групповых, коллективных образований посредством организации ритуалов и стимулирования некоторых переменных.

Интерактивный ритуал на макроуровне

Артикуляция основных положений теории интерактивных ритуалов Коллинза и их обоснование осуществлялась в контексте противопоставления микро- и макротеорий и их критического анализа. Через эту оппозицию формируется представление об интерактивном ритуале как метаконцепте, объясняющем филогенез социальных структур. Социальные структуры если и обладают онтологическим статусом, то только в той мере, в какой они производятся и воспроизводятся в микрореальности интерактивных опытов. «Нечто становится реальным только тогда, когда проявится в какой-нибудь ситуации» (Collins 2000: 18). Это во многом определило и методологический прием микроредукции как наиболее адекватную исследовательскую стратегию. Коллинз не отвергает макротеоретических принципов познания, однако чтобы избежать обвинения в абстрактности и отчужденности от реальной жизни и индивидов, они должны быть «объединены с микропринципами в единую экспликационную сеть». В оппозиции микро- и макротеорий «радикальная социология» Коллинза ближе к полюсу микро, однако он намеренно дистанцируется от субъективистских теорий, изучающих сознание, внутренние когнитивные структуры, символы и т.д., как и от макротеорий с абстракциями социальных структур, институтов и т.д., поскольку акцентирует ценность наблюдаемых феноменов, имеющих место в реальной жизни. Только при таких условиях можно говорить об их объективности.

Коллинз утверждает, что макроструктуру можно описать через три ключевые макропеременные: количество микроинтеракций, степень их распространения в физическом пространстве и их временную организацию, т.е. любая социальная структура независимо от степени глобальности характеризуется через переменные пространства, времени и количества взаимодействий. Поскольку ключевой единицей макроструктуры является микровзаимодействие, то её необходимо рассматривать не только через переменные количества, пространства и времени, но и через динамику микроресурсов интеракции как «имеющих макропоследствия, т.к. [они] определяют специфику организации повторяющихся взаимодействий» (Collins 1983: 186–187). Не интеракция сама по себе есть *sine qua non*, а именно наполняющие ее микропроцессы аккумуляции и трансформации микроресурсов, через которые формируются траектории взаимодействия индивидов. Фактически, теория интерактивных ритуалов Коллинза — это концепция ситуационно-интерактивного детерминизма.

Социальная стратификация и групповой конфликт, макроструктура классовой культуры, с точки зрения теории интерактивных ритуалов, могут быть рассмотрены в терминах микроинтерактивных процессов. Интерпретационная логика в данном случае обусловлена применением аналитической традиции Дюркгейма. Аналогичную позицию занимает Тернер, который на основании работ Дюркгейма выводит «закон социокультурной дезинтеграции/интеграции» и «закон культурной дифференциации», в которых ключевую роль играют уровень интеракционной активности, степени эмоционального возбуждения и уровень ритуальных действий (Turner 1990).

Объединяя представления Дюркгейма о специфике обществ с моральной и органической солидарностью с его теорией ритуала, Коллинз выводит «некоторые “основные законы социологии”»: принципы того, как различные уровни и условия структурной плотности интеракции обуславливают уровни

“моральной плотности”, и, следовательно, различные виды символического и эмоционального сознания группы» (Collins 1988г: 111). Здесь необходимо внести терминологическую ясность. Моральная плотность, по Дюркгейму (1996: 262–263), это процесс, необходимо сопровождающий развитие разделения труда и стимулирующий его, это процесс увеличения социальных связей через условия взаимозависимости и взаимосвязи в масштабах общества. Коллинз же под моральной плотностью понимает в первую очередь тесные связи с локальной группой, проявляющиеся как следствие частых одноформатных взаимодействий.

Для Коллинза стратификация — это двухмерная властно-сетевая макроструктура, распределяющая позиции индивидов в вертикальной иерархической плоскости власти и в горизонтальной сетевой плоскости (Collins, 1988a, 209). В принципе, все социальные взаимодействия и их агрегации, эволюционирующие в социальные структуры, реализуются во «властно-статусном формате» (Collins, Kemper 1990). Следует отметить, что стратификация возможна на разных уровнях — межгрупповом и внутригрупповом, межличностном. На всех стратификационных уровнях ключевым механизмом является интерактивный ритуал и его ресурсы как средства стратификации, их неравномерное распределение в межгрупповом пространстве, внутригрупповом и на индивидуальном уровне участников ритуалов, а также неравные возможности их использования.

Коллинз применяет дюркгеймианскую традицию для интерпретации интерактивных ритуалов Гофмана в терминах теории стратификации через ритуальные отношения «переднего» и «заднего плана», обозначающие линию демаркации между двумя соперничающими группами, классами — «выполняющими приказ» и «отдающими приказ» (Collins 1988a; 1988г: 112). Отношения власти и подчинения проявляются через диспозиции индивидов в микроуровневых ритуалах, совокупность их позиционных конфигураций составляет макроструктурный уровень иерархической стратификации. В то же время, специфика и отличительные черты интерактивных опытов, наличные ресурсы, вписывают их в соответствующие статусные группы и сети, с их типичной «морфологией социальных интеракций», выраженной в терминах социальной плотности и интерактивной диверсифицированности. Эти сети, мезоструктуры формируют их культурно-мировоззренческие, когнитивные и символические особенности, генерализация и аккумуляция которых составляет макроуровневый феномен — классовую культуру как коррелят сетевой стратификационной плоскости и плоскости властной иерархии.

Количество взаимодействий различного рода в течение периода времени вписывают индивида в «мезоструктуру», сеть повторяющихся взаимодействий вокруг него, или в «локальную макроструктуру», когда отдельное взаимодействие не обусловлено всем обществом, а той сетью, которая сформировалась вокруг него (Collins 1987б: 196; 1988a: 402). Поэтому отдельное взаимодействие не дискретно, оно — часть интерактивной структуры, цепочек взаимодействия, в которой каждое звено обусловлено преемственностью и трансформацией микроресурсов.

Для социологии традиционной является интерпретация интеракции как вписанной в более широкий макроструктурный контекст, в которой отношения между участниками определяются их ролями. Социальная роль — это не просто некая зафиксированная данность, приписанная индивиду, а дости-

гаемое «не без борьбы положение». «Реальные ресурсы, поддерживающие эти структурные идентичности или “позиции”, — пишет Коллинз, — это, прежде всего, власть и собственность» (Collins 1987б: 202).

С точки зрения микротрансляции, власть реализуется через отношения между «отдающими приказы» и «выполняющими приказы», а также через членство в «коалиции принуждения», которое дает «отдающему приказ» доступ к ресурсу наказания и санкций в случае неподчинения нижестоящего.

Макрофеномен собственности на микроуровне означает владение либо физическим объектом либо частью пространства, выраженное как привычная физическая обстановка, в которой происходит взаимодействие, и как привычное, признаваемое всеми отношение отдельных индивидов к этому пространству или определенным вещам. «Это социальное отношение между тремя партиями: собственником, не-собственником и “коалицией принуждения”» (Collins 1988а: 404). Собственность может представляться ресурсом, дающим доступ к определенным интерактивным кругам как «материальные средства коммуникации», а также давать доступ одним и ограничивать проникновение других в определенные физические места, что позволяет рассматривать совокупность этих возможностей как «статусный символ» в терминологии И. Гофмана (Goffman 1951). С этой же точки зрения, феномен экономического класса Коллинз рассматривает как совокупность различных сред, в которых циркулируют деньги (а также другие финансовые средства, которые могут не иметь денежного выражения, но стать предметом сделки), и в которых деньги обладают разным статусом, ценностью и назначением. В каждой из этих «денежных сред», которые тесно связаны с профессиональными сферами, образуются специфические для нее отношения и взаимодействия, организованные вокруг финансовых, денежных ресурсов и их обмена (Collins 2000: 24).

Для Коллинза собственность — это фундаментальный элемент социальной действительности, макроструктуры. «Если бы меня спросили, что является основой макромира как социальной структуры, я уверен, что правильный ответ был бы *собственность*» (Collins 1987б: 204).

Итак, несмотря на очевидные теоретические основания и аллюзии, теория Коллинза представляет собой оригинальное самобытное концептуальное целое. Своей особенностью, как представляется, она во многом обязана времени, периоду развития науки, специфическому внутринаучному контексту и ситуации оппозиции парадигм, преодолеть теоретико-методологическую ригидность и ограниченность которых она была призвана. Подход Коллинза к определению природы макросоциальных феноменов через совокупность микрофеноменов, микроситуационных взаимодействий, его «радикальная микросоциология» хоть и тяготеет к микропарадигме, но очевидно выходит за ее рамки. «Агрегационная гипотеза», провозгласившая онтологическое сущностное единство феноменов микро- и макропорядка, стирает традиционную непреодолимую грань между микро- и макроявлениями, делающую их несовместимыми и противопоставленными друг другу. Этому положению соответствует разработанный Коллинзом методологический прием редукции, аналитическая стратегия «микротрансляции». Реинтерпретированное им понятие «интерактивный ритуал» обладает несколькими смысловыми напластованиями — это ключевой элемент метаконцепции Коллинза, созидательный компонент макроструктур, элементарная единица социологи-

ческого анализа, интегральная модель взаимодействия *per se*, понятие, описывающее как формальные ритуалы — сакральные и секулярные практики, так и естественные ритуалы — всю совокупность повседневных взаимодействий — межличностных и групповых. В концепции Коллинза есть спорные моменты, особенно дискуссионным является его микроуровневый экстремизм. Однако бесспорным достоинством теории является эвристический потенциал модели интерактивного ритуала, ее унитарность, обозначенный микромеханизм интеракции и фундаментальные переменные, в совокупности представляющие новый аналитический инструментарий, применимый к исследованию взаимодействий в формате соприсутствия, не ограниченных специфическим контекстом и возможность исследования макроструктур через наблюдаемые микрофеномены интеракций. Теоретический проект Коллинза — это попытка не только объяснить макрофеномены через микро, но главное — устранить существующий между ними антагонизм, как и противоречия между макро- и микроподходами, теоретические и методологические. Как демонстрирует К. Кнорр-Цетина (1981), при более пристальном рассмотрении оппозиционность ключевых положения микро- и макротеорий оказывается несостоятельной, «разрушая микро- и макроизмерения». Это дает возможность формирования нового подхода, коим является концепция Коллинза — «микросоциологическая реконструкция макросоциологии», стимулируя развитие социологии из бипарадигмальной науки в мультипарадигмальную.

Литература

- Бурдые П. Социология социального пространства / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Алетейя, 2005.
- Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. А. Д. Ковалева. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1996.
- Коллинз Р. Программа теории ритуала интеракции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Том VII. № 1 (перевод с англ. А. Хохловой).
- Ритцер Дж. Современные социологические теории / Пер. с англ. А. Бойкова, А. Лисицына. СПб.: Питер, 2002.
- Collins R. Micro-Translation as a Theory Building Strategy // *Advances in Social Theory and Methodology: Toward an Integration of Micro- and Micro-Sociology*. Ed. K. Knorr-Cetina and A. V. Cicourel. London: Routledge & Regan Paul, 1981a.
- Collins R. On the Microfoundation of Macrosociology // *The American Journal of Sociology*. 1981b. Vol. 86. No. 5
- Collins R. Micro-Methods as a Basis for Macro-Sociology // *Urban Life*. 1983. No. 12
- Collins R. A Micro-Macro Theory of Intellectual Creativity, the Case of German Idealist Philosophy // *Sociological Theory*. 1987a. Vol. 5.
- Collins R. Interaction Ritual Chains, Power and Property: the Micro-Macro Connection as an empirically Based Theoretical Problem // *The Micro-Macro Link*. University of California Press, 1987b.
- Collins R. *Theoretical Sociology*. San Diego: Harcourt, Brace, Jovanovich., 1988a.
- Collins R. The Micro contribution to Macro Sociology // *Sociological Theory*. Vol. 6. 1988b.
- Collins R. *Theoretical Continuities in Goffman's Work* // *Erving Goffman: Exploring the Interaction Order*. Edited by P. Drew and A. Wootton. Cambridge: Polity Press, 1988b.
- Collins R. *Durkheimian Tradition in Conflict Sociology* // *Durkheimian Sociology: cultural studies*. Edited by J. Alexander. Cambridge University Press, 1988r.

- Collins R., Kemper T. Dimensions of Microinteraction // *American Journal of Sociology*. 1990. Vol.96. No.1
- Collins R. Emotional Energy as Common Denominator of Rational Choice // *Rationality and Society*. 1993. Vol. 5. No. 2.
- Collins R. *Four Sociological Traditions*. Oxford University Press, 1994.
- Collins R., Hanneman R. Modelling the Interaction Ritual Theory of Solidarity // *The Problem of Solidarity: Theories and Models*. Ed. by P. Domian and T. Fararo. Amsterdam: Gordon and Breach Publishers, 1998.
- Collins R. *Situational Stratification: A Micro-Macro Theory of Inequality* // *Sociological Theory*. 2000. Vol. 18. No. 1.
- Collins R. *Interaction Ritual Chains*. Princeton: Princeton University Press, 2004.
- Durkheim E. *Elementary Forms of Religious Life* / Translated by J. Swain. London: George Allen & Unwin Ltd., 1976.
- Goffman E. *Symbols of Class Status* // *British Journal of Sociology*. 1951. Vol. 11.
- Goffman E. *The Neglected Situation* // *American Anthropologist* (part II, special issue). 1966.
- Goffman E. *Interaction Ritual*. New York: Doubleday, 1967.
- Goffman E. *The Interaction Order* // *American Sociological Review*. 1983. Vol. 48.
- Gregory S.A. Sounds of Power and Deference: Acoustic Analysis of Macro Social Constraints on Micro Interaction // *Sociological Perspectives*. 1994. Vol. 37. No. 4.
- Knorr-Cetina K. Introduction: The micro-sociological challenge of macro-sociology: towards a reconstruction of social theory and methodology // *Advances in Social Theory and Methodology: Toward an Integration of Micro- and Micro-Sociology*. Ed. K. Knorr-Cetina and A.V. Cicourel. London: Routledge & Regan Paul, 1981.
- Ritzer G. The Rise of Micro-Sociological Theory // *Sociological Theory*. 1985. Vol.3. No.1.
- Ritzer G. The Recent History and the Emerging Reality of American Sociological Theory: A Metatheoretical Interpretation // *Sociological Forum*. 1991. Vol. 6. No. 2.
- Sacks H., Schegloff E., Jefferson G. A Simplest Systematics of Organization of Turn-Taking for Conversation // *Language*. 1974. Vol. 50. No. 4.